

Елена
ГРАСС

МАЖОР

Двойная игра

Елена Грасс

Мажор. Двойная игра

«Автор»

2026

Грасс Е.

Мажор. Двойная игра / Е. Грасс — «Автор», 2026

— Если этот мужик в больнице, значит, документы на продление договора аренды он подать не успеет? — постукивая пальцами по столу, прикидываю свои шансы заполучить чужой земельный участок. — Успеет. За него подаст дочь.— Она в бизнесе что-нибудь понимает?— Вряд ли. Даша только окончила университет. — Отлично! — После слов главы администрации в моей груди разрастается надежда на победу. — Напишите мне её номер! Я с ней пообщаюсь, — командую я.— Не стоит. Вам лучше иметь дело с её отцом, — глава как-то странно улыбается. — Почему? — С ней вы не договоритесь. Она дама с непростым характером Эта девушка такая же строптивая, как лошади в конюшне её отца. — Строптивая, говорите? Ну, тем интереснее! И не таких кобылок укрощали...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Грасс

Мажор. Двойная игра

Глава 1

АРСЕНИЙ

Мой вчерашний день закончился только сейчас.

Мы с Крис вернулись из клуба под утро, а потом, совершенно обессиленные, оказались в постели.

Я едва успел сомкнуть глаза, когда из сна меня вырывает телефонный звонок.

— Ты где? — рёв отца подкидывает меня на кровати. По недовольному тону догадываюсь, что он в бешенстве.

Вижу, как Кристина просыпается от громогласного звука и понимая, чей это звонок тут же отворачивается.

— Дома.

— Наши сотрудники и инвесторы все в сборе, а он тушку свою в постели нежит! Немедленно в офис!

— Прекрати рычать и скажи, что случилось.

— Совещание у нас.

— А зачем я на твоих совещаниях? — не понимаю претензий отца.

В трубке молчание. И оно громче любого крика.

— Ты... Ты... Сынок, ты здоров? — начинает вкрадчиво отец. — Или тебе вызвать врача? Сегодня встреча по твоему проекту! — Окончательно взрывается.

— По моему?! — теперь я в окончательном ступоре. — Отец, зачем ты их собрал? Мы ещё толком даже смету не проработали!

— Плевать на смету. Её можно откорректировать. Но мне нужно понимать заранее, кто собирается участвовать в этом проекте, а кто нет. Приезжай! Мы тебя ждём.

— Пап, это плохая идея. Зря ты так торопишься, — и всё-таки я не соглашаюсь с отцом.

— Я сам знаю, что мне делать. Пока что ты у меня в подчинении, а не я у тебя. Вот когда ты будешь руководить, тогда и будешь меня учить. У тебя час!

Не желая вступать в перебранку, сбрасываю звонок и спешу в душ.

Сил нет. Ноги еле идут. Чувствую себя ужасно.

Ну ещё бы... Какой организм выдержит такую нагрузку ближе к тридцатнику?

Ох, Арс, пора принимать реальность и завязывать с такой активной жизнью.

— Ты куда? — приподнимает голову Кристина.

— Я в душ и на работу. Если торопишься, когда будешь уходить, просто захлопнешь дверь.

— А я не планирую уходить, — слышу, как она говорит мне вслед, но я пока не понимаю, что она имеет в виду. Да и времени на разборки нет.

Захожу в кабинку и закрываю двери. Включаю холодную воду и, прикрыв глаза, стараюсь выдержать непривычную температуру воды.

Меня трясёт мелкой дрожью, но я должен как-то прийти в себя.

Голова гудит, голова разламывается на две части, и я ощущаю себя не молодым мужиком, а стариком, которому исполнилось лет девяносто, не меньше.

Вода холодит кожу, смывая ночной угар, а в голове, как пластинка крутятся слова любовницы о том, что она не планирует уходить.

Что это значит? Она решила остаться жить здесь? Но я её не приглашал и не планирую.

Это закрытая территория для жизни женщин, и их здесь ни при каких обстоятельствах быть не может.

Но у Кристины о моих правилах или отшибло память, либо она решила, что она особенная.

Ну что же, буду вынужден её разочаровать. Она самая обычная.

Не успеваю придумать причину, чтобы выпроводить её максимально деликатно, когда слышу, как открывается дверь.

Крис входит на цыпочках, и я, повернув к ней голову, замечаю, что она в моей рубашке.

Пуговица, (я уверен — нарочно) расстёгнута практически до ложбинки, и самец внутри меня шепчет мне, что идея прогнать её с самого утра выглядит крайне глупо.

Девушка сейчас выглядит чертовски мило и одновременно опасно сексуально. Разве можно отпустить такую красоту без утреннего секса?

— Иди ко мне. Давай по-быстрому, — подмигиваю ей, намекая на удовольствие.

Она медлит. Переминается с ноги на ногу, словно набивает себе цену.

Но со мной этот номер не пройдёт, я и так в неё за этот месяц вложился по полной.

— Нет? Ну как хочешь, — закрываю дверцу кабинки.

— Не хочу в душе. Пойдём в кровать, — и всё-таки Крис заходит ко мне и проводит пальчиками по открытой коже.

— В кровать не могу. Крис, я серьёзно. Отец меня четвертует. Да и инвесторы уже, наверное, точат вилы.

Быстро домываюсь и спешу выйти.

— Ну как хочешь. Сделать кофе? — Крис не уходит. Она подходит ближе, забирает у меня полотенце и начинает вытирать мне плечи.

Её пальцы скользят по мокрой коже медленно, почти ласково, и я чувствую, как по позвоночнику бегут мурашки.

— Сделай.

— А тосты?

— Крис... — Поворачиваю к ней лицо. — Что с тобой?

— А что со мной? — словно не понимает.

— Ты какая-то... слишком заботливая.

— А это плохо?

— Это отлично. Но это не ты.

— Ты меня совсем не знаешь, — опускает глаза и начинает тщательнее вытирать мне спину. — Арс... можно я сегодня останусь у тебя? — она говорит так, словно кошка мурлычет.

Ясно. Вот оно что. Хочет остаться...

— Нет, — отрезаю, не раздумывая.

— Почему?

— Потому что завтра здесь появится десяток твоих кремов и баночек. А также шмоток начиная от трусиков, заканчивая шубами. Нет, милая, я сразу обозначил границы дозволенного, и ты это знала. Оставаться в этой квартире больше чем на ночь девушкам табу.

— Арс, не вредничай! Только сегодня, — настаивает. — Время полдень. Пока я доеду до дома и вернусь к тебе вечером, пустой крюк совершу. Ты же... — снова проводит пальчиком по груди, спускаясь ниже и ниже, — и этим вечером не против развлечься? Правда?

— Ох, лиса-а-а, — я притягиваю её к себе и целую. Сначала шутливо, в нос, потом по-настоящему, глубоко, с той страстью, что не выгорела за ночь.

Она отвечает, прижимаясь всем телом, и на секунду я снова теряю контроль над ситуацией.

— Ладно, оставайся, — выдыхаю я, отрываясь от неё с трудом. — Но только потому, что мне нравится идея вернуться домой и застать тебя здесь голой.

— И на всё готовой... Ключи оставь, — получив моё согласие тут же разворачивается и уходит.

Поджимаю губы. Ох, чувствую я, что зря уступаю, но моё тело снова требует разрядки. А своему телу я отказывать не привык.

— Ладно. И... спасибо за кофе. Он ещё актуален!

Крис смеётся из кухни звонко и заразительно. Этот смех всегда меня обезоруживает. Сегодня происходит всё то же самое.

— Кофе уже на столе, тосты поджариваются.

Захожу на кухню, и я вижу, что она действительно уже всё сделала: ароматный кофе, тосты бужениной и сыром, даже яичница.

Хозяюшка, не меньше!

— Арс, а почему ты так критично настроен, чтобы в твоей квартире не было женского духа? — она пододвигает ко мне чашку и садится напротив.

— Потому что, если вдруг не получится, нам придётся конфликтовать. А я не люблю конфликтовать с девушками.

— Почему?

— Вы слишком мстительные и обидчивые, — смеюсь.

— Разве?

— А нет? — смотрю на неё в упор.

Крис отводит глаза, и я понимаю, что попал прямо в яблочко.

— Кроме того, я уверен, что у нас ничего не получится. Это я о семейной жизни есть что.

— А почему ты думаешь, что не получится?

— Знаю.

Кристина наклоняется вперёд, подперев подбородок ладонью, и смотрит на меня взглядом, в котором сквозит лёгкая насмешка.

— А ты вообще жил с кем-нибудь?

Я откусываю тост, жую медленно, будто обдумываю ответ, хотя уже знаю, что скажу. Улыбка сама собой появляется на лице.

— Нет. И не собираюсь. Зачем мне это бремя? Представь: придётся делить не только пространство, но и объяснять, почему я пришёл домой в три утра, а не в семь вечера. Занудство. И слишком много хлопот для такого сложного экземпляра, как я. Лучше уж кофе по утрам без допросов, как у нас с тобой, и постель без обязательств, — салютую ей чашкой.

— То есть ты требовательный? — спрашивает она, чуть наклоняя голову. В голосе слышится любопытство, а не осуждение.

— О! Не то слово! Я сложный тип, — отрезаю я и начинаю жевать быстрее, будто спешу закончить завтрак и саму эту тему. Мне не нравится этот разговор. Мы знакомы всего месяц, а она уже беспардонно лезет в душу.

— Разве? А мне кажется, что с тобой... легко. Не нужно притворяться идеальной.

— А вот здесь ты не права. Я люблю, чтобы было чисто, уютно, вкусно. Вот ты готова мне готовить завтраки, обеды и ужины?

Кристина замирает. Я вижу, как она обдумывает ответ.

— Если баш на баш, то почему нет.

— Вот и ответ на твой вопрос, солнышко, — не могу сдержать разочарованной улыбки. — Ты готова только баш на баш, а я не продаюсь и не покупаю.

— А мне показалось, что ты очень щедрый.

— Щедрый. Но ровно до того момента, пока мне не начинают выносить мозги, — уже открыто намекаю на то, что Крис пора остановиться.

— Не понимаю, — признаётся Кристина, и в её глазах мелькает настоящая растерянность.

— Ладно, расслабься. — Быстро вытираю рот салфеткой и спешу на выход. — Жди меня часа через четыре. Голая, и как ты сама сказала: на всё готовая.

Крис улыбается, но я не шучу.

— Я серьёзно! Я настроен на десерт. И это не про пирожное, если что!

Глава 2

Сажусь в машину, делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться.

Я постарался не показывать Крис своего довольства, но во мне всё кипит.

Зачем она лезет туда, где ей быть не нужно? Зачем всё портит?

Чувствую, если она не изменит своё поведение, неприятный разговор неизбежен.

А если и после разговора не поймёт, тогда нам придётся расстаться.

Крис мне безумно нравится, но я не тот, кто позволит нарушить мои границы.

Они не просто так расставлены мной много лет назад и не нарушались никем, кто бывал в моей жизни и постели.

Пробки заставляют меня нервничать сильнее. У нас с отцом и без того напряжённые отношения, а теперь он, наверняка, в ярости.

Да, иногда я могу не появляться в офисе пару дней, но это не делает меня плохим работником.

В отличие от моего занудного старшего брата, я, может, и приезжаю реже, но засиживаюсь на работе до ночи, а иногда и до утра.

Однако странным образом все почему-то все дружно об этом забывают, как только я прихожу не вовремя.

Машина ползёт по раскалённому от жары асфальту, а в голове снова крутится утренний хаос: Кристина в моей спальне, на моей кухне, в душе.

А следом её смех, допрос о том, жил ли я с кем-то и моё чёткое ощущение, что она переходит границы.

Не могу понять почему, но её желание остаться у меня в квартире никак не даёт покоя.

Я их тех мужчин, на чью свободу нельзя претендовать.

Я настолько эгоист, что не позволяю кому-то считать мои вещи своими, оставлять зубную щётку рядом с моей и оставаться дольше, чем на одну ночь.

Я сам себе хозяин, и эта аксиома не подлежит пересмотру.

Но почему-то сегодня, когда Крис так легко и уверенно распорядилась моей кухней, у меня складывается впечатление, будто она пытается сдвинуть невидимую черту, которую я когда-то провёл.

— Где ты шляешься? — встречает меня недавно упомянутый зануда братец у кабинета переговоров. — Отец рвёт и мечет.

— А ты почему не на совещании? — бросаю через плечо, поправляя галстук, который вдруг кажется удавкой.

— А я вышел водички попить, — косится он на секретаршу, которая уже растеклась перед ним лужей. — Вали, давай, если не хочешь, скандала.

— Иду! Ненавижу все эти сборища!

— Я тоже. Но только они позволяют нам привлечь дополнительные инвестиции.

Поправляю пиджак, делаю глубокий вдох и захожу в кабинет.

Ссылаясь на пробки, извиняюсь за опоздание, иду к свободному стулу и, не успев присесть, чувствую вибрацию телефона.

«Арс, я приготовлю обед?».

«Нет...» — хочу оправить, но не отправляю. Наверняка она спросит меня «почему».

Удаляю сообщение.

Пальцы висят над телефоном. Чувствую, как внутри всё напрягается.

Нет, ни за что. Мом кухня — это моя территория. И даже мысль о том, что какая-то женщина будет там хозяйничать, оставляя следы своего присутствия, вызывает острое раздражение.

«Не надо, я сам справлюсь» — набираю сообщение, но и его удаляю.

«Я пообедаю в офисе. А ты закажи себе что-нибудь» — пишу более подходящее.

Отправляю его и сразу отключаю уведомления. Я не хочу продолжать «почемучки» и отвлекаться на последующую переписку.

— Арсений, въезжай в тему, — грозно говорит мне старик, замечая, как я убираю телефон.

— Я внимательно слушаю вас, Михаил Аркадьевич, — пытаюсь выглядеть внимательным.

Но моего отца сложно обмануть. Иногда мне кажется, что он умеет читать чужие мысли.

— Итак, как вы знаете, этим летом моя компания планирует выкупить землю Антиповки и построить там элитный посёлок.

Люди начинают кивать.

— Сейчас я всё покажу.

Мой старик замолкает и ждёт, пока его помощница начнёт показывать слайды.

Девушка встаёт со своего места, подходит к экрану и включает обзоры.

На первом слайде появляется спутниковый снимок: поля, редкий лес, извилистая, но довольно крупная река и крошечные крыши Антиповки.

— Здесь, — она указывает тонкой лазерной точкой, а мой отец комментирует, — будет центральная въездная группа. Здесь — клубный дом, ресторан и спортивный комплекс. А в этой части предусмотрена набережная с прогулочной зоной.

В зале тихо начинается шёпот.

Отец замолкает, поворачивается к слушателям и смотрит на них с привычным холодным вниманием.

— Что-то не так?

— Михаил Аркадиевич, но там же застроенная территория... — доносится голос с другого конца переговорного стола.

— Да какая там территория... Десять домов? Не смешите меня, — вальяжно отмахивается он. — С владельцами этих... халуп ведётся работа. Большинство вопросов уже урегулировано.

Отец врёт. Мы только имеем идею и делаем межевание участка, но мой родитель из тех бизнесменов, которые любят ввязаться в бой, а потом решать проблемы на месте.

Он уверен в себе неспроста. Ведь все проекты, которые мы разрабатывали до этого, имели большой успех.

— Я продолжу?

Бизнесмены снова кивают.

— Давай дальше... — командует он своей помощнице. — Теперь я покажу, что мы готовы создать, и куда я предлагаю вам вложить свои капиталы.

На экране начинают мелькать куча домов, построенных для таких же толстосумов, как мой папаша.

Здесь есть всё! И бассейны с подогревом, и гаражи на три машины, и виды, от которых у обычных людей отвисает челюсть.

Отец продолжает свои речи про будущее этого участка, про премиум-класс жилья, а я в это время на своём ноутбуке возвращаюсь к первому слайду и пялюсь на экран.

Мой взгляд падает на маленькое пятно, которого до этого я не видел.

Но это не просто кусок земли. Он расположен аккурат посреди нашего огромного участка. И это заставляет меня напрячься.

— А с инфраструктурой там как? — спрашивает мужик в сером костюме, которого я не знаю.

— Пусть на эти вопросы вам ответит мой сын. Арс... — Отец замолкает и поворачивается ко мне. — Арс!

— А? — отрываю глаза от ноутбука.

— Не молчи. Поясни, как там с инфраструктурой. Кстати, этот кусок земли нашёл именно мой сын. Арс, расскажи нашим друзьям о перспективах стройки.

— Ну что я могу сказать... Планы у нас на самом деле грандиозные, — говорю я с лёгкой улыбкой, которая, надеюсь, выглядит искренне. — И я уверен, что у нас всё получится.

— Арсений Михайлович, расскажите, подробнее о начале стройки, о сроках сдачи.

— Хорошо. Но прошу вас учесть, что пока это лишь разработки. Мы хотим вам презентовать ваши мысли, а основное будет доведено только до реальных инвесторов. Сами понимаете: коммерческую тайну никто не отменял!

— Какова наша доля? — говорит тот, что в сером костюме.

— Инвестиции нашей компании будут пятьдесят процентов, остальное по вашему усмотрению. Но в любом случае мы приглашаем не менее трёх участников. Сами понимаете — вложения будут крупными. Но и результат шикарный! — сразу же следом предупреждаю я.

Видю, отец довольно кивает. Теперь догадываюсь, почему он так настоял на моём присутствии и заставил потенциальных инвесторов ждать. Я умею быть убедительным.

— Ну, по слайдам, конечно, вы правы, шикарно. Однако поясните кое-что...

Мне начинаю задавать вопросы, и я отвечаю.

Иногда, как отец — вру. Иногда отвечаю, словно тыча пальцем в небо. Но во всём, что я говорю, больше правды, чем лжи.

Кроме одного: я ничего не знаю о том клочке земли, который увидел посреди будущего посёлка.

— Арс, а что это за участок? — показывает друг отца, который тоже довольно часто участвует в наших проектах как инвестор.

Вот зараза, значит, кто-то ещё его заметил кроме меня.

— Пока не могу сказать.

— Ну как же... Вот, яркое пятно...

— Мне кажется, сотрудники, что-то напутали, когда межевали участок. Но я разберусь, — не позволяю развивать разговор об этом непонятном явлении.

Видю, что отец напрягается. Ему не нравится мой ответ. Но ничего другого, кроме лжи, я пока ему предложить не могу.

Я же предлагал ему не торопиться созывать собрание, но разве он кого-нибудь когда-нибудь слушает?!

— Арс разберётся... — всё-таки пытается поддержать меня родитель. Присутствующие тут же кивают, намекая, что верят в меня.

Да и как не верить? У них нет выбора. Они же только вкладывают деньги, а всю самую грязную работу выполняет наша компания.

— Да, я обязательно разберусь, — повторяю я твёрже. — Это техническая накладка. Завтра утром поеду на место и проверю границы лично.

Отец кивает, но напряжение не уходит. Он отворачивается к карте, а я уже мысленно уношусь за город. К тому самому клочку земли.

Я убеждаю себя, что это всего лишь технический сбой, но интуиция твердит мне иное. Кажется, мы влипли в серьёзные неприятности, о которых я даже не подозревал.

Глава 3

— Ладно, продолжим, — снова возвращается отец к слайдам.

Не знаю, заметил ли он моё замешательство, но вот братец мой старший глаз с меня не сводит.

Я даже не обратил внимание, как он вошёл и устроился в кресле.

Наверное, я был слишком поглощён разговором с отцом, чтобы услышать скрип двери.

— Здесь выход для яхт, здесь отдыха... — показывает он указкой на слайды.

— Какой песок, — поворачиваю голову в сторону одной из дамочки, которая ахает так, что, кажется, задохнётся от восторга. — Он же как золото.

— Да, природа там шикарная, — говорит гордо мой отец, и я замечаю, как он выпрямляется, наслаждаясь моментом. — Сам, когда приехал туда впервые, обалдел от красоты природы.

Подчинённые отца и инвесторы начинают восторгаться, а я не могу сдержать улыбки.

Как же мой папаша любит присваивать чужие успехи. С тех пор как мы стали работать с ним, я вижу это с завидной регулярностью. Чужие идеи, чужие чертежи, но имя на всей этой красоте всегда его.

— Гениальный проект, Михаил Аркадьевич! — щебечет один из сотрудников.

— Вы снова на шаг впереди своих конкурентов! — вторит другой.

Опускаю голову, потому что не могу сдержать улыбку.

М-да, если бы лесть можно было собирать в банки, отец уже открыл бы завод по производству мёда и неплохо на этом заработал.

Проходит ещё почти полчаса, пока подчинённые прекращают лестные оды и расходятся по кабинетам.

Инвесторы остаются, но мне хочется, чтобы и они побыстрее ушли.

Я слишком сосредоточен на том, что произошло, и пустые разговоры начинают меня раздражать.

— Арс, ты чего такой хмурый? — через час мы остаёмся в кабинете втроём.

— Я нормальный. Но я зол!

— Почему? — удивляется всем довольный отец.

— Потому что я тебе говорил не торопиться с собранием. Отец, куда ты так торопишься?

— Я тороплюсь начать стройку и заработать денег! А твоего недовольства я не понимаю.

— Отец замирает и смотрит на меня в упор. Он скрещивает руки на груди и ждёт ответа. Но правды я ему не скажу.

— Мы всё успеем.

— Сынок, у меня складывается впечатление, что что-то ты недоговариваешь, — говорит отец железным тоном, его глаза буравят меня насквозь.

Я чувствую, как сердце начинает стучать чаще, но стараюсь сохранить спокойное выражение лица.

— Я тебе всё сказал.

— Ты, прежде чем предложить мне эту «золотую жилу», ездил туда? — он, спрашивая меня слова «золотая жила» выделяет особенно.

— Да, — вру. В тот день, когда я должен был ехать на участок, я как раз познакомился с Крис.

Она чуть ли не в этот день прыгнула ко мне в постель, и я решил, что у меня есть дела куда важнее, чем тащиться смотреть участки.

Кадастровыми инженерами для меня был подготовлен видеоматериал, где я увидел озеро, окрестности, и я решил, что мне этого хватит для воплощения идеи в жизнь.

Из рассказов помощника я знал, что там есть несколько старых деревянных домов и шикарная природа. А что мне ещё было нужно для принятия решений?

— То есть всё в порядке... — Но отец не успокаивается и продолжает басить.

— Да.

— Тимур, включи первый слайд.

Брат включает первую картинку, и отец переключает своё внимание на неё.

— Тогда объясни мне, что это за долбаный участок, который как прыщ на заднице красуется посреди моей земли?! — резко встаёт отец со своего стула и тычет пальцем в сторону этого огрызка.

— Отец, хватит! — повышаю ответно тон, вступая в конфронтацию. — Я же сказал: ошибка!

— Ты втянул меня в это! А я, ничего не проверив, пошёл у тебя на поводу.

— Ты должен мне доверять.

— А я и доверился! Именно поэтому не подводи меня! Езжай и разберись с этой ошибкой! И надейся на то, что этот... прыщ не будет мешать мне осуществить задуманное.

Киваю и перевожу взгляд на Тимура. Брат по-прежнему молчит, наблюдая за мной с прищуром, словно ждёт, когда я сломаюсь. Но я не сломаюсь!

Мы родные братья лишь по отцу, и между нами всегда была конкуренция.

— Чего ты лыбишься, придурок? — он, как всегда, меня раздражает.

— Мне кажется, что скоро кто-то сядет в лужу. Причём по самое горло, — начинает смеяться Тим и как в детстве, подначивать меня на конфликт.

— Не дождёшься! — фыркаю я, изображая равнодушие.

— Пап, я уже примерно посчитал, какие могут быть риски, если не получится построить все дома, которые мы запланировали.

— Видишь, сынок, твой брат, в отличие от тебя, думает о развитии нашего бизнеса. А ты только деньги спускаешь, — кивает в сторону Тимура.

Упрёк бьёт под рёбра, точно и больно. Спускаю деньги? Да я уже пять лет пашу на него, принося идею за идеей, а, оказывается, я «ничего не делаю».

Классика! Отец всегда так: старшего — гладит по голове, а меня — окунает носом в дерьмо и держит только как генератора идей.

— Поиск площадки, договорённости по стройке комплекса «Живые ручьи» чьих рук дело?

— А это ты к чему мне говоришь? — отец, наконец, смотрит на меня с лёгким раздражением.

— Чей, спрашиваю? — повторяю я, не отводя глаз.

— Твой, — нехотя соглашается он.

— Поиск площадки, договорённости с администрации по выкупу земли комплекса «Зелёные луга» — кто занимался?

— Ты.

Отец опускает глаза, но я успеваю заметить, что он не хочет признавать, что младший сын уже давно не мальчишка, которого можно поставить на место одним взглядом или нелепым упрёком.

— Утомись уже, герой! — вставляет реплику Тимур.

— Я не герой. Я лишь напоминаю вам, что я тоже в этой компании не пустое место. А если вы считаете иначе, я могу свалить и работать отдельно! — я злюсь и чувствую, что назревает конфликт.

Я мог бы заткнуться, но не затыкаюсь. Меньше всего мне хочется, чтобы меня здесь держали как мальчика для битья. У нас в компании работает не только отец и Тимур. Я тоже в себе уверен.

— Остановись, Арс. Бизнесмены не имеют прав на эмоции.

— Я просто хочу, чтобы твой старшенький заткнулся и ты позволил мне сам руководить процессом.

Отец расправляет плечи, и на его губах появляется усмешка — холодная, победоносная.

— Руководи! Я готов поверить в тебя настолько, что кроме идеи ты этот проект и возглавишь. Под ключ! — говорит он, и в голосе звучит финальная точка, которую не переспоришь.

— Знаешь, что такое под ключ?

— Конечно! От старта до финиша. Ты меня испугать, что ли, решил?

— Нет! Я выполняю твою просьбу, сынок.

— Я готов!

Брат, дождавшись окончательного решения, тут же встаёт со своего места и уходит. Вероятно, он потому и не лез на рожон, что знает чуть больше меня.

И оттого мне снова становится не по себе.

— Арсений, — говорит отец тихо, когда Тимур закрывает за собой дверь. — Хватит воевать с братом и прожигать жизнь. Этот проект либо сделает из тебя мужчину, либо я окончательно потеряю надежду. Езжай уже наконец на место и начинай решать вопросы с местными. Если ты закончишь этот проект с выгодой для нас, я включу тебя в совет директоров. А если...

— Отец, всё это прекрасно: и твоё доверие, и совет директоров, но у меня есть вопрос, который не даёт мне покоя. Ты, прежде чем принимать решение собрать инвесторов, сам-то хоть был на месте? — я жду, что он мне даст хоть крупицы информации.

— Да, но я был лишь у воды, — говорит не смотря на меня.

— А зачем же ты тогда соврал, что видел местность, если ты не изучил площадку полностью? — спрашиваю я, стараясь держать тон ровным, хотя ладони уже слегка вспотели.

— Потому что кто-то проболтался про наши планы на эту землю. И если бы я, генеральный директор сказал, что не изучил его досконально, меня бы не поняли. Сынок, я не очень понимаю... Ты хочешь отказаться?

— Нет. Но я просил тебя не торопиться. Если обнаружатся какие-то проблемы, ты можешь подставить меня под удар. А точнее, мою репутацию.

— Ну, трудности иногда хорошая проверка на прочность! А ты, вероятно, забыл, как не единожды просил меня доверить тебе какое-то серьёзное дело. Или я что-то неправильно понял?

— Правильно, — здесь отец прав. Я на самом деле злился, что я всегда на вторых ролях.

— Ну вот. Ты подал идею и теперь кулаком бьёшь себя в грудь, что справишься. Ну и чего теперь заднюю включаешь? — отец не понимает моего настроения или чувствует, что я дал промаху.

— Нет, не включаю. Я лишь не понимаю суеты.

— Повторяю: я просто хочу заработать. Всё. Никакой суеты. Ладно, хватит разговоров. Приступай, Арс.

Глава 4

Я открываю рот, чтобы спросить у отца, будут ли у меня помощники, но отворачивается от меня, тем самым указывая, что разговор окончен.

Он уходит из переговорной громко хлопнув дверью, а я остаюсь сидеть в кабинете, чувствуя странную смесь раздражения и усталости.

У меня возникает сомнение в своей аванюре, но я не позволяю нерациональному страху взять верх.

Арс, а чего ты так растерялся? — задаю сам себе вопрос.

Ну сложный проект, и что? Даже если там есть проблемы, наверняка они решаемы.

Я стараюсь подбодрить самого себя, потому что на удивление больше некому.

Пролетает несколько часов, прежде чем я возвращаюсь домой.

Я, закрутившись в делах, в итоге так и не пообедал, и теперь жалею, что не разрешил Крис сварить предложенный борщ.

Вспоминая, что я оставил ключи ей, звоню в дверь, и не проходит пар секунд, как она открывает дверь.

Складывается впечатление, будто она ждала меня у двери.

Крис стоит передо мной в одном шёлковом халатике, который едва держится на плечах.

Первая мысль: откуда здесь её халат, но я считаю неуместным спросить об этом.

— Привет, — я захожу и закрываю дверь ногой.

Она не успевает что-либо сказать, а я сразу целую её. Глубоко, жадно, так как она любит.

Во мне по-прежнему кипит адреналин и страсть, и я хочу куда-то деть эту энергию.

Мы не доходим до спальни. Всё происходит здесь, в коридоре: мои руки и губы вырывают из её груди тихий стон, и она отдаётся мне прямо на диване в гостиной.

— Арс... — водит пальчиком по моей груди позднее.

— М-м? — я не хочу разговаривать, но чувствую, что Крис хочет сказать что-то важное.

— Мне показалось, или ты был не здесь?

— Ну как же не здесь, если ты совсем недавно стонала от удовольствия? — улыбаюсь, так и не открывая глаз.

— Я не об этом. Ты словно мыслями был не здесь.

Ну всё, пора возвращаться в свою реальность. А в моей реальности никто не лезет ко мне в душу, не устраивает допрос и точно не приносит без моего разрешения свой халат в мой дом.

— Тебе показалось. Лучше расскажи, чем ты сегодня занималась? — аккуратно перевожу в то русло, которое интересно мне самому.

— Ничем. Ты ушёл, я повалялась в кровати, посмотрела телек, поспала, поела, поболтала с друзьями по телефону.

— И всё? — я жду, когда она скажет, как ездила за своими вещами домой и успела вернуться до моего приезда.

— Да. Обед же ты мне готовить не разрешил, — я чувствую недовольство в голосе своей любовницы, но открыто она старается его не проявлять.

Крис, несмотря на лёгкость своего характера очень умная девушка. И я вижу, даже если она хочет перейти какие-то границы, делает она это робко и несмело.

— И не ездила домой?

— Нет.

— Крис... — глажу её по спине и стараюсь говорить ровно. — Зачем ты мне врёшь, милая?

Она отводит взгляд и совершенно точно понимает, что я её поймал на лжи.

— Арс, ну а что такого, если я привезла немного вещей в твой дом? Он у тебя такой... неживой.

— Ты должна была спросить меня. А не пытаться меня обмануть.

— То есть мне нельзя даже мечтать о том, что мы будем парой?

— Я не готов к таким отношениям.

— Каким?

— Где всё начинается с хитрости. Причём такого, где меня пытаются выставить дураком, — я сам не замечаю, как голос мой становится злым. Но я всегда умел контролировать эмоции, поэтому хочу как можно быстрее закончить этот разговор.

Встаю с дивана, одеваюсь и спешу на кухню.

Желудок требует еды, и мне нужно хоть что-то закинуть в себя.

— Почему ты так боишься отношений? — она сверлит меня взглядом, и я не решаюсь сказать правду.

Она отстраняется и теперь смотрит на меня не моргая.

Что ей сказать? Не знаю — почему. Наверное, потому, что не верю в искренность отношений, где всё начинается с ночного клуба и оценки моего кошелька.

Но сказать это вслух — значит обидеть Крис. А обижать совсем не хочется, ведь она неплохая девушка. Вон, даже заботиться обо мне пытается.

— А каких отношений ты хочешь?

— Понятно — каких. Как сейчас.

— Клубы? Рестораны? Секс до утра? Сон до полудня?

— А почему нет? Мы молоды и богаты. Точнее, ты богат. Но это же нормально, когда мужчина тратит деньги на свою женщину.

— Совершенно точно. Не спорю. Только ты забываешь, что во всей этой истории с развлечениями, что у меня есть обязанность зарабатывать те самые деньги.

— Работай. Я разве тебе запрещаю, — хихикает Крис, и я тоже невольно улыбаюсь. — Я даже поощряю это.

— Ну если так, тогда нам будет сложно. Я не смогу дать тебе того, что тебе хочется. А ты будешь сердиться на меня.

— Почему?

— Потому что впереди у меня очень важный проект, и я буду слишком занят, — цепляюсь за историю с деревней как за соломинку, которая вытащит меня из болота лжи.

Чувствую себя трусом, но это лучше, чем обвинить её в меркантильности.

— О-о-о! А что за проект? Денежный? — она верит в мою ложь. Но я знаю — почему. Потому что ей самой так удобно.

— Да! — киваю, стараясь придать голосу уверенности. — Проект серьёзный!

— А о чём он? Расскажешь?

— Ну скажем так: я займусь реконструкцией старой деревни под экокорт.

На самом деле, конечно, никакой реконструкцией я заниматься не буду, но мне самому понравилось, как я придумал. Звучит солидно и красиво!

Уж точно лучше, чем: я снесу все старые дома и построю там новый жилой комплекс для толстосумов!

— Если всё правильно просчитать и сделать так, как я планирую, прибыль обещает быть солидной. Но и хлопот предостаточно!

— Звучит красиво.

— Да. Поэтому я не хочу никаких отношений. Мне нужно полностью сосредоточиться на нём, понимаешь? Хотя если ты готова поехать со мной в эту деревню и жить там, то... — Смотрю на Крис в упор. Жду реакции на слова «жить в деревне».

— Жить? На сколько? Пару дней?

— О нет, милая, — не могу скрыть откровенного смеха. — Пару месяцев.

— погоди, — вижу, что лицо Крис меняется. — То есть прямо шестьдесят дней? Прямо день за днём, без выезда в город?

— Конечно. Это далеко. Ездить туда-сюда не получится. Кроме того, когда будут дожди, будет размыта дорога, и выезжать оттуда можно будет только на тракторе.

Я, конечно, урод и приукрашиваю масштаб бедствия, но мне нужно сделать всё, чтобы Крис не захотела ехать со мной.

— А ты? Ты тоже там прямо будешь жить? — кажется, она не верит мне.

— Конечно.

— Без клубов, дискотек, баров, ресторанов?

— Конечно, — повторяю слово. — Мне нужно работать. Там вкладываются огромные капиталы. Какие в таких условиях бары и рестораны?

Крис встаёт с дивана, быстро набрасывает халат и, отвернувшись от меня, подходит к окну.

— Я... Я... Я, наверное, откажусь.

Подхожу к ней, заставляю повернуться ко мне. Наши взгляды встречаются. В воздухе повисает напряжение.

— Я понимаю. Я знал, что так и будет.

— Мы будем встречаться? Ты будешь хоть иногда приезжать?

— Пока не знаю, — а вот сейчас я говорю правду. Я теперь из-за этого клочка земли вообще не знаю, что меня там ждёт. — Но обещаю, что если приеду домой, я тебе наберу.

— Хорошо... Арс, я понимаю, что ты не любишь чужие вещи в своей квартире, но можно мне оставить халат? А то я, когда у тебя остаюсь, чувствую себя... нищей. Носить твои футболки — такое себе ощущение.

— Ладно, оставляй, — притягиваю её к себе и целую.

Я доволен. Мы смогли договориться без ссор и конфликтов.

Крис не навязывает меня себе, а я уступаю ей в простой мелочи.

Моя любовница тоже довольна. Мы остались с ней в тех самых отношениях, где никто никому ничего не должен, но при этом она не чувствует себя брошенной.

— Арс... — Крис льнёт ко мне. — Скажи, а у меня вообще есть шанс, что ты вступишь меня куда-нибудь подальше, чем твоя кровать?

— Например? — целую её ласково в висок и глажу по голове.

— Например, вот сюда, — она кладёт мне руку на грудь.

— Ох, лиса. Пока не знаю. Но в этой жизни всё возможно, — смеюсь.

— Ладно, я прощаю тебя. Знаешь, почему?

— Нет.

— Потому что я уверена: ты съездишь в эту глухомань, заскучаешь и поймёшь, как я тебе дорога. Вот тогда всё и изменится.

Глава 5

ДАРЬЯ

Музыка долбит по ушам. Обычно диджей появляется позднее, но сегодня он словно специально издевается над нами, проверяя наши нервы на прочность.

Голова начинает гудеть, и я боюсь, что не выдержу до окончания смены.

— Лёш, а можно сделать музыку потише? До начала дискотеки ещё целый час, — стараюсь говорить как можно дружелюбнее.

— Зануда... — говорит он тихо, но я всё равно слышу.

— Что ты сказал? — поворачиваю к нему лицо.

— Что слышала, — бросает мне недовольно. — Барыня! Никто не просит кроме тебя сделать потише. А если нравится тишина, вали в свою деревню.

Сдерживая себя, сжимаю в руке стакан. Не хочу ругаться.

— Зачем ты так. Ты поработаешь четыре часа и уйдёшь, а я уже полсмены отработала и мне ещё столько же!

— Даш, на, у тебя телефон разрывается, — отвлекает меня коллега, протягивая мой гаджет.

«Мама».

Ставлю стакан на стойку бара и выхожу на улицу.

— Аллю, доченька, привет.

— Привет, мам, — отхожу чуть в сторону от нашего ресторана.

У меня есть пару минут законного отдыха, и я, желая размять ноги, плетусь молча по дороге.

Настроение на нуле. Даже по прошествии пяти лет я чувствую себя здесь чужаком, зажатым между рёвом пробок и бесконечным движением людского роя, который неумолимо давит своей агрессивной энергией.

— Даш, что с тобой? — спрашивает мама с лёгкой тревогой.

— Всё нормально. Мамочка, ты по делу или просто так?

— По делу. Дашенька, у нас беда...

Я резко останавливаюсь, и мир вокруг как будто замирает. Что она сказала? Беда?

— Что случилось? — спрашиваю я, и голос мой дрожит.

— Папа в больнице. Он упал с лошади.

— С лошади... — непонимание стучит в висках. — Но... но как? Он же прекрасный наездник. И всегда был таким осторожным...

В этот момент пронзительный сигнал машины бьёт по ушам, и я вздрагиваю. Злой рык водителя заставляет меня повернуться.

— Чего встала! Проходи! Из-за тебя не проехать! — кричит мужчина за рулём, высываясь из окна.

Я стою, как вкопанная, и не могу сдвинуться с места. Мама всё ещё говорит что-то в трубке, но я едва слышу её сквозь шум.

— Здесь пешеходная зона! — не могу сдержать удивления, и голос мой звучит громче, чем хотелось бы.

Широкая физиономия водителя появляется в окне, и он злобно ухмыляется.

— И что? У меня здесь магазин! Свой! И я имею право попасть к нему.

Я делаю шаг в сторону, чтобы хоть немного уйти с дороги и не мешать.

— Извините, — говорю я водителю уже спокойнее. — Пожалуйста, проезжайте.

Водитель поддаёт газу, машина урчит, но парень не уезжает. Даже не оглядываясь, я чувствую, как она ползёт за мной по пятам.

Однако меня это мало волнует. Я уступила ему дорогу и не мешаю проезду. Возвращаюсь с разговором к маме.

— Мам, расскажи подробнее, пожалуйста...

— Красотка, тебя подвезти? — неожиданно за спиной раздаётся тот же голос.

Поворачиваюсь к нему, вижу, как он, уже вышел из машины и стоит за моей спиной.

Приподняв солнцезащитные очки на лоб, его глаза медленно скользят по моей фигуре: начиная от лица и опускаясь ниже — по шее, груди, талии, бёдрам, задерживаясь на каждом изгибе.

От этого взгляда по коже сразу бежала неприятная дрожь, и хочется сказать, чтобы он прекратил пялиться.

— Нет, — чуть резче ожидаемого говоря я, дав понять, что разговор окончен. — Мне в другую сторону.

— А чё так? Садись! Прокачу с ветерком! — не унимается парень.

— Спасибо, не нужно. Слушайте... Езжайте, куда ехали.

— А ты чё мне хамишь? — неожиданно повышает он тон. Голос теперь звучит резко, с угрозой.

Несмотря на жару холод проходит по телу, заставляя съёжиться.

— Даша, не связывайся! — слышу голос мамы. — Ох, как же тебе там тяжело, доченька...

— А я и не связывалась. Он сам прицепился, — огрызаюсь, сама не понимаю с кем больше. — Подожди, перезвоню.

Заканчиваю разговор с мамой и поворачиваюсь к незнакомцу:

— Ну что, прокатимся? — воспринимает он моё окончание разговора с мамой по-своему. — Не ломайся, красотка.

Мне окончательно становится не по себе. Парень высокого роста, крепкого телосложения, и взгляд его говорит о том, что он не любит отказы.

Чувствуя опасность, проходящую по спине, делаю шаг вперёд, но он хватает меня за локоть.

Пытаюсь вырваться, но держит он крепко.

Люди, проходящие мимо, даже не смотрят в нашу сторону. А кто смотрит, тот совершенно точно не желает связываться.

— Эй, друг, оставь девушку, — вижу, как открывается дверь припаркованной недалеко от нас машины.

Оттуда выходит высокий парень лет тридцати.

Он смотрит сначала на меня, потом на того, кто держит меня за локоть, и догадываясь, что мне страшно, идёт к нам.

— Тебе чего?

— Я сказал: отпусти девушку.

Тот, что держит меня за локоть, закатывает глаза и тяжело вздыхает.

— Слушай, чувак, езжай, куда ехал. Мы сами разберёмся.

— Разберётесь? — не реагирует на его слова мой потенциальный защитник и смотрит на меня с вопросом в глазах.

— Не разберёмся, — пишу и кручу головой, инстинктивно пытаюсь подойти к нему хотя бы на шаг ближе.

Мой спаситель, чувствуя мой страх и через мгновение уже стоит возле меня.

— Отпусти её, — говорит он таким тоном, что у меня самой начинают трястись колени.

Агрессор сжимает пальцы сильнее, но под этим спокойным, тяжёлым взглядом его рука всё-таки разжимается.

Я резко отдёргиваю локоть и делаю шаг назад, прямо к защитнику.

— Она сама флиртовала, а потом послала меня. Я решил её проучить, — агрессор отступает на полшага, хмурится, явно прикидывая про себя, стоит ли связываться.

— Я не флиртовала, — зачем-то оправдываюсь перед своим защитником.

— Свободен! — теперь уже говорит обманщику.

Агрессор ещё секунду стоит, потом резко разворачивается и садится в машину.

Только когда он газует, и машина скрывается прочь, я наконец громко выдыхаю.

— Спасибо, — прикладываю руку к груди. — Вы правда меня выручили. Станный тип.

— Испугалась? — говорит он дружелюбно.

— Да, — не хочу обманывать. Я на самом деле испугалась.

— Если хочешь, я провожу тебя до машины или куда тебе нужно.

— У меня нет машины, — моя внутреннее недоверие не разрешает признаться в том, что я работаю неподалёку.

— Может, тогда тебя подвезти?

— Нет. Мне недалеко, — машу рукой куда-то в сторону и смотрю в телефон.

— Ну, как хочешь, — он улыбается уголком губ.

Замечаю, что он так же, как тот, первый смотрит на меня заинтересованным взглядом, но в нём нет пошлости, как было у первого.

А может быть он мне просто бдительность усыпил своим вмешательством и защитой.

— Спасибо за помощь. До свидания, — тараторю, не дав ему дальше открыть рот.

— Удачи тебе. И будь осторожнее на дорогах.

Он ещё секунду смотрит на меня, словно запоминая, потом разворачивается и возвращается к своей машине.

Дверь тихо закрывается, двигатель оживает ровным, низким гулом.

Чёрный внедорожник плавно трогается и исчезает за поворотом, оставляя меня одну на пешеходной зоне со странным, едва уловимым чувством, что эта короткая встреча ещё не закончена.

— Мама, я здесь, — снова набираю маме.

— Доченька, может зря ты решила остаться работать в городе? Может, лучше домой?

— Я теперь уже ни в чём не уверена, — отвечаю маме то, что чувствую. — Иногда мне кажется, что я не на своём месте.

— Папа также говорил, когда мы уезжали из города, — чувствую, как она улыбается.

— Мам, папа сильно пострадал?

— Ногу сломал. Спину повредил.

— Ох...

— Я говорила отцу, чтобы он не ходил в конюшню с плохим настроением, но он меня не послушал! А ты же сама знаешь, что лошади всё чувствуют. Ну вот и скинул его с себя Ветер. Даша, тебе придётся приехать домой.

— Зачем? Пусть помощники отца присмотрят за конюшней.

— Присмотреть-то присмотрят, только боюсь, что это не главное в нашем положении.

— О чём ты?

— Ходят слухи, что у нас хотят забрать землю.

— Как забрать? Кто? Зачем? Почему? На каких основаниях? — ну и денёк сегодня...

— Дашенька, я ничего не знаю! Всеми этими вопросами занимался папа! — хлопает носом мама. — Ваня отцу твоему пока не сказал, а мне нашептал на ухо, что уже приезжали кадастровые инженеры и мерили земельные участки в селе. Он сказал такую страшную новость... — по тому каким тоном говорит мама, я понимаю, что в нашем селе вот-вот случится местный Армагеддон.

— Что? — слушаю затаив дыхание.

— Он сказал, всё село пойдёт под снос...

Глава 6

АРС

Вся следующая неделя сливается в один бесконечный, промелькнувший мгновением день.

Осознавая, что уезжаю надолго, я пытаюсь лихорадочно закрыть все висящие вопросы.

Моё утро начинается ещё до рассвета, а заканчивается далеко после заката.

Мои дни наполнены бесконечной бумажной волокитой и переговорами с инвесторами. Но кроме них ещё с финансистами и кадастровыми инженерами.

Звонки, уточнения, подписи — я и представить не мог, что реальные дела сопровождаются такой изматывающей бюрократией.

Понимая, что в этом огромном круговороте я плескаюсь один, внутри меня вдруг начинает расти раздражение.

Оно касается и моего отца и брата. Конечно, рассудком я понимаю, что они действуют в моих интересах, но всё равно я бы не отказался от помощи.

— Привет, — звоню инженерам, — окончательное решение есть?

— Да.

Следующее молчание нашего сотрудника говорит мне красноречивее всяких слов. Пауза затягивается, и я уже чувствую, как внутри нарастает тревога.

— Не томи, Никит. Всё плохо?

— Хуже некуда!

— Прямо так даже? — искренне удивляюсь, крепче сжимая руль.

— Да, — повторяет он, и в этом коротком слове звучит вся безысходность ситуации. —

Есть несколько проблем, которые я не ожидал встретить.

А дальше Никита начинает перечислять мне проблемы, будто зачитывает список покупок: несколько десятков соток, на которых мы планировали возвести дома, находятся в самой низине. Есть дома, которые официально считаются бесхозными. Ну и ещё целая куча других «радостей», с которыми мне теперь придётся разбираться.

Я слушаю, и внутри всё сжимается. А я-то думал: приеду на место, раскину руки в стороны, подышу свежим воздухом, обниму берёзки и начну стройку.

Ну-ну, Арс, начнёшь...

— Ну участки в низине не проблема, — думаю вслух. — Сделаем насыпь, а если нужно будет, вообще закатаем в асфальт. Ты мне главное скажи, что с тем пятном?

— Пару гектар отданные под конюшни.

— Под что? — давлюсь воздухом. А я ведь так надеялся, что то пятно, которое появилось на карте это просто ошибка.

— Лошади там живут, — объясняет мне как тупому.

— Я знаю, кто живёт в конюшне. Я не понимаю одного: как вы упустили этот момент? — выдыхаю я, пытаюсь сохранить голос ровным.

Теперь я понимаю, почему мой старший братец на том совещании подловато улыбался.

Он, скорее всего, в отличие от меня не кувыркался с очередной девчонкой днями напролёт, а сел и съездил на площадку.

Он понял, что там есть обременения, но решил промолчать, чтобы понаблюдать за мной, как я буду выкручиваться в этой ситуации.

Ладно, морду ему бить не буду. Хотя бы потому что он ничего не сказал отцу.

— Мы межевали несколько гектар земли разом, не проезжая по территории метр за метром. Взяли координаты, поставили четыре точки. Кроме того, мне сказали, что вы, Арсений Михайлович, лично выезжали на участок и...

— Да, да, выезжал. Но, как ты сказал: тоже метр за метром не ходил. Был только в деревне.

— Селе.

— Пофиг. Деревня, село, хутор! — во мне всё кипит. — От того, как я назову это место, конюшня с карты не исчезнет! М-да... Это полный... — Не произношу бранного слова, останавливаясь на полпути. Не хочу опускаться при подчинённых до уровня быдла. — Это полный абсурд! Ладно, буду думать.

Прощаясь, сбрасываю звонок. Закрываю глаза на секунду и неожиданно чувствую жуткое раздражение. Оно смешивается внутри с горьким пониманием того, что всё оказалось куда сложнее, чем я представлял.

— Покувыркался, блин... — вырывается из меня смех собственного бессилия. — Лошади! Конюшни, мать их! На моей земле!

Ладно, что мне ещё остаётся, кроме как решать проблему? Правильно — ничего!

Нужно просто забрать этот клочок себе и успокоиться.

После разговора с Никитой и решив, что тянуть нельзя, сразу же еду к юристам. В кабинете этих бюрократов меня встречает привычный запах бумаги и кофе.

— Ты знаешь новости? — спрашиваю начальника юридического отдела про тот клочок земли.

— Да. Мы уже всё выяснили.

— Ну? И как? Будем воевать?

— А зачем воевать? — пожимает плечами Смирнов. — Есть более простые методы.

— Хм, какие?

— Такие... Земля под конюшнями находится в долгосрочной аренде, и она скоро закончится.

То, что говорит мне начальник юридического отдела, заставляет меня буквально ожить. Я чувствую, как напряжение последних дней отпускает плечи, будто кто-то снял тяжёлый груз.

Закрываю глаза и широко улыбаюсь. Это практически бальзам на мою душу и настоящий рай для ушей.

— Когда кончается аренда?

— Через два месяца.

— А дальше?

— А дальше нужно всё начинать сначала. Собирать и подавать документы на аукцион, пытаться его выиграть...

— Или проиграть... — заканчиваю за Смирнова.

— И такое возможно, — лицо начальника юридического отдела теперь такое же, как моё — очень довольно.

— Отлично! — Я потираю руки, уже представляя, как эти гектары переходят в собственность нашей компании.

— Подождите так радоваться, Арсений Михайлович, — опускает меня на землю зануда Смирнов. — У них преимущественное право. Кто бы ещё не заявился, они первые в списке претендентов на эту землю.

— Были первыми, станутдесятыми. Не нуди, Смирнов! Без тебя тошно. Было их, будет нашим, — отмахиваюсь. — Я справлюсь.

Он не спорит. А смысл? Все прекрасно знают, что я упрям и амбициозен. И значит, добьюсь своего.

Вернувшись домой, наспех собираю вещи и собираюсь в дорогу.

Не представляю, что мне может там понадобиться, поэтому скидываю в чемодан пару костюмов, пару шорт, пару футболок и туфель с кроссовками.

Я никогда не был в таких местах, и в моём представлении всё то, что я ношу здесь, пригодится и там. Городские привычки пока не отпускают. Да я и не планирую что-то менять.

Быстро закрываю чемодан, проверяю документы и чувствую, как внутри разгорается азарт. Я готов побеждать!

До села еду сам, без водителя. Хочу самостоятельности во всём. Да и мне самому не пешком же по селу ходить.

Пока добираюсь до нужной точки, пытаюсь представить себя в роли руководителя этого проекта.

Но получается плохо. Я ведь никогда не был тем, кто ведёт проекты от начала до конца. Я креативщик, а не строитель.

Я быстрее могу представить, как я буду лежать на том золотом песке с коктейлем, а не стройку, грязь и ругань с прорабами.

Подъезжая в нужную точку, чувствую, как у меня начинает кружиться голова.

Свежий воздух ударяет в лицо тёплой волной, и, мне кажется, я даже слегка пьянею от него.

Ловлю себя на мысли, что я ни разу не был в таких местах, как это.

Другие площадки, которые я находил для стройки отличались от этой. Чем? Не знаю. Наверное, энергетикой.

— А не подскажите, где у вас здесь озеро? — спрашиваю прохожего, который кивает куда-то в правую сторону.

— Пять минут и вы на месте.

Останавливаюсь возле глади и выхожу из машины.

Смотрю под ноги. Песок правда блестит, как будто кто-то рассыпал сокровища.

— Да, это правда рай на земле, — присаживаюсь на корточки и беру в руки несколько песчинок. — И этот рай будет принадлежать мне... Чего бы мне это ни стоило.

Глава 7

Вчера я так устал от свежего воздуха и бесконечного потока новых впечатлений, что до дома, выделенного мне главой для проживания, добрался буквально на последних силах.

Про будильник я даже не вспомнил: просто упал лицом в подушку и моментально провалился в тяжёлый, глубокий сон.

Утро ворвалось резко и без предупреждения. Я подскочил от громких петушиных криков — причём казалось, что орут они прямо под окном.

Сердце бешено заколотилось не столько от испуга, сколько оттого, что я первые секунды вообще не мог понять, где нахожусь.

Понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя и вспомнить, что к чему.

Потянувшись, я поднялся с кровати, поплёлся на кухню и привычно начал искать глазами кофеварку.

Окинул взглядом помещение раз, другой — но ничего похожего не обнаружил.

Осознание того, что моё утро может начаться без кофе, привело меня почти в ужас. Я пью его литрами, и расставаться с этой привычкой точно не собираюсь.

По инерции я открыл приложение доставки, но уже через минуту понял: сюда не поедет ни один курьер, даже если оформить заказ тысяч на десять.

Вот такие мелочи я совершенно не учёл. И это, честно говоря, очень-очень плохо...

Надо срочно внести в список задач ещё один пункт: помимо домов, здесь обязательно должны появиться хотя бы пара нормальных магазинов. Иначе дурная слава о моём проекте разлетится куда быстрее, чем хорошая.

Выпив воды, почистив зубы и приняв летний душ, чтобы не засиживаться в этом захолустье, тороплюсь начать заниматься делами.

— Привет, — звоню начальнику юридического отдела. — Кинь мне контакты главы администрации. Хочу с ним лично поговорить.

— Я уже разговаривал с ним. Скользкий тип.

— Ну, теперь я поговорю.

Отключаю звонок и сразу набираю номер градоначальника.

Уверенный, что мне ответят сразу, жду несколько протяжных гудков, но трубку никто не снимает.

— Ну ладно... Значит, поговорим глаза в глаза.

Еду в администрацию и без всякой сложности захожу в кабинет главы.

Вот за что я люблю маленькие города — так это за их особую простоту.

На входе вместо сурового охранника тебя встречает добрая бабушка, а роль телохранителя главы выполняет девушка лет двадцати.

Первая даже не удосуживается спросить документы — просто кивает и пропускает внутрь.

Вторая провожает меня слегка растерянным взглядом, но, заметив, что я иду уверенно и явно знаю, куда направляюсь, останавливать не решается.

Кабинет главы встречает меня характерным запахом старых обоев, смешанным с ароматом свежей канцелярии.

Николай Анатольевич, глава местной администрации, заметив меня, тут же поднимается из-за стола и выходит навстречу, изображая радость.

— Арсений Михайлович! — протягивает он руку.

— Добрый день, Николай Анатольевич, — отвечаю я, натягивая свою самую дежурную, но всё же обаятельную улыбку. — Вы не ответили на мой звонок.

Не хочется начинать встречу с претензий, но у меня их накопилось множество.

Товарищ явно ведёт с нами странную игру. И мне необходимо напомнить ему с кем он имеет дело.

— А вы звонили? — заглядывает в свой телефон. — Да. Простите, возможно, был занят. Сами понимаете, дел невпроворот. Город, люди, хозяйство...

Он произносит это так, будто руководит минимум областным центром, а не местом, где главная утренняя новость — чей петух перекричал соседского.

Я опускаюсь в кресло напротив без приглашения и кладу телефон на край стола.

— Понимаю. Именно поэтому я и пришёл лично. Раз уж по телефону у нас не складывается, давайте решим всё здесь и сейчас.

Улыбка на его лице становится чуть тоньше.

— Конечно — конечно. Всегда рад конструктивному диалогу. Чай? Кофе?

Слово «кофе» неприятно царапает слух. Я едва заметно шурюсь.

— Кофе у вас в селе, как выяснилось, явление почти мифическое. Поэтому давайте лучше сразу к делу.

Николай Анатольевич сцепляет пальцы на животе и откидывается на спинку кресла.

— Слушаю вас внимательно.

— Нет, это я вас слушаю.

— Не понимаю... — хитрые глаза начинают бегать по моему лицу. — Что-то не так? Ваши кадастровые инженеры навевались к моим сотрудникам, и мы помогли им всем, чем могли.

— Разве?

— Да.

— Лукавите.

— Разве? — он передразнивает меня.

— Ну ладно... Раз вы не знаете, что творится у вас под носом, значит, мне придётся вас просветить. Однако тогда в мою голову закрадывается мысль о вашей... некомпетентности, — после моих слов замечаю его замешательство.

Теперь он перестаёт улыбаться.

— Что случилось? — он расстёгивает пуговицы на рубашке и я замечаю как подрагивают его пальцы.

— При обмере земли выяснился один неприятный момент... Я бы даже сказал очень неприятный! Вы забыли упомянуть, что среди моих лесов и полей есть участок земли, который мне не принадлежит.

«Среди моих лесов и полей» — ёлки-палки, да я уже начинаю рассуждать как местный барин.

— А, это! Выдыхает глава. — Ну, это же ерунда! На него вообще не обращайтесь внимание!

— Как это — не обращать?

— Потому что он совершенно точно не стоит вашей реакции, — теперь глава старается выглядеть расслабленным.

Мне бы улыбнуться и покивать, но я не хочу заискивать перед этим прохвостом. Мне нужна конкретика, а не это юление и притворство.

— Моей реакции стоит всё. Хотя бы потому что на этот проект планируется потратить сотни миллионов рублей.

— Да, я знаю.

— Знаете? А мне кажется, что вы неверно оцениваете масштаб работы и инвестиций. При таких вложениях всё должно быть чётко. А чётко не получается.

— Арсений Михайлович, если я сказал, что всё будет нормально, значит — будет!

— Конечно. Вам же не просто так заплатили за... ваше участие.

— Да, да, конечно.

— Ну вот и отлично. Я не знаю, что это за участок, но учтите следующее: я намерен получить всю землю. То есть не клочками, ни отрезками, ни частями! А всю без остатка. Каждый гектар.

— Понимаю, понимаю!

— И не вздумайте играть со мной в какие-то игры, глава. Я не позволю.

Этот прохвост ничего не говорит. Теперь он молчит, потупив взгляд.

— Я понял...

— Этот отлично, что вы поняли. Но чтобы понял и я, прошу объяснить мне, как так вышло, что на моей территории образовалась конюшня?

— Это временные строения. Договор аренды был заключён всего на пять лет. Я был уверен, что собственнику здесь не нравится. По крайней мере, он высказывал мне кучу претензий...

— Может, небезосновательно? — ухмыляюсь я.

— Он слишком требовательный и я... Я не хотел продлевать с ним отношения.

— Но он с вами не согласился... — догадываюсь, что этот хитрец хочет мне сказать.

— Да. Он, оказывается, не собирался отказывать от дальнейшего пребывания на моей земле. Только узнал я об этом слишком поздно.

— Вашей земле? А я думал, она государственная.

— Ну... Ну вы поняли, о чём я, — мямлит неуверенно.

— Ладно, допустим, вы говорите правду. Но когда мои кадастровые инженеры приезжали к вам, вы даже не предупредили о таких рисках. Возможно, мы не пришли бы сюда с проектом, зная, что участок не будет принадлежать нам полностью.

— Будет! — неожиданно довольно громко говорит глава. — Я сделаю всё, чтобы это случилось! — А следом гордо расправляет плечи.

— Отлично. Раз вы обещаете... Только я не могу долго ждать. Я хочу, чтобы к концу недели вопрос был решён.

Я знаю, что договор с собственником конюшен будет действовать ещё как минимум два месяца, но мне важно посмотреть, на что способен глава. Сам, лично.

Мне нужно понять — сможет ли он своей властью решить хоть одну задачу.

Только глядя на его лицо, я догадываюсь, что не сможет.

После того как он слышит срок, глава тут же вздрагивает. Следом он бледнеет, хотя изо всех сил старается этого не показывать.

— Но... Но...

— Что случилось?

Глава 8

— Боюсь, так быстро, как вы хотите решить вопрос — не получится.

— Причина? — откидываюсь на спинку стула, желая показать, кто в его кабинете хозяин. Я уже давно понял, что с такими, как этот тип по-другому нельзя.

— Хозяин конюшен, упав с лошади, сломал ногу, и даже если я захочу, так быстро я с ним не договорюсь.

— Что же это за наездник такой, если он ломает ноги от падения с лошадей? — искренне удивляюсь.

— Ну, лошади не люди. Они подчиняются приказам, но иногда могут взбрыкнуть, — словно извиняясь, оправдывается глава.

— И через сколько его выпишут?

— Не знаю. Сказали перелом сложный.

В голове всё настойчивее мелькает мысль: а может, так даже лучше. Насколько я помню, срок аренды земельного участка у него истекает совсем скоро. Значит, ему придётся заново собирать и подавать весь пакет документов в администрацию. И если рядом не окажется людей, которые действительно понимают, что делать, он вполне может не уложиться в сроки.

Улыбаюсь. Такая мысль мне нравится.

— Так... Так... Хорошо. Допустим, я готов подождать эти два месяца до окончания срока его договора. Дальше, получается, если этот мужик в больнице, значит, подготовить и подать документы он не успеет? Это же нужно делать заранее, — постукивая пальцами по столу, прикидываю свои шансы заполнить чужой земельный участок.

— Успеет. За него подаст дочь.

— Дочь? Она в бизнесе что-нибудь понимает?

— Вряд ли. Даша только окончила университет. Она училась на пиаре и к бизнесу отношения не имеет.

— Отлично! — После слов главы администрации в моей груди разрастается надежда на победу. — Напишите мне её номер! Я с ней пообщаюсь, — команду я.

— Не стоит.

— Почему?

— Я же сказал — я сам решу этот вопрос.

— Я справлюсь, — настаиваю. — Я умею быть убедительным.

— Дело не в убедительности. Вы не понимаете... Вам лучше иметь дело с её отцом, — глава как-то странно улыбается.

— Почему? — снова задаю этот вопрос.

— С ней вы не договоритесь. Она дама с непростым характером... Эта девушка такая же строптивая, как лошади в конюшне её отца.

— Строптивая, говорите? Ну, тем интереснее! И не таких кобылок укрощали...

Николай Анатольевич смотрит на меня поверх очков. В его глазах отражается неуверенность, но меня это не смущает.

— Укрощали... — задумчиво повторяет мои слова. — Хм, интересно... А вы... хитрец, Арсений Михайлович! По любовной линии пойти хотите зайти? Запудрить, так сказать, мозги... — Он медленно поднимает руку и начинает шутливо грозить мне пальцем, будто поймал меня и разгадал мои коварные планы. — Знаем мы такие методы. Сначала «я просто поговорить», потом цветочки, прогулки, проводы закатов, встреча рассветов... А там, глядишь, она влюбилась, забыла документы вовремя подать, и участок сам в руки приплыл. Верно?

От его идиотских выводов не могу сдержать улыбку.

— Ну, вы же сами сказали, что она девушка с характером. Значит, на такой дешёвый трюк не поведётся.

— Ну уж... Дешёвый! Молодой и красивый парень. При деньгах, при должности, язык подвешен... Дешёвый ли? Хотя, совершенно дешевле, чем выкупать у них право аренды, да? — Подмигивает мне.

— Не говорите ерунды. Мне это не понадобится, — отрезаю я. — Уверен, я смогу с ней договориться и без флирта.

— Вот это правильно! Потому что боюсь, вы зря потратите время. Так будет честнее. Пусть победит сильнейший.

— И это говорит мне тот, кто получил от моих юристов пухлый конверт... — не могу сдержат откровенной усмешки.

Глава, понимая, что сказал полную ерунду, сразу затыкается и тянется к листку бумаги.

Он быстро пишет мне телефон владельца конюшен, его дочери, и, ссылаясь на дела, спешит попрощаться со мной.

Я и сам не хочу задерживаться у него в кабинете.

Я не планирую оставаться в этой дыре дольше, чем определил по своему графику. Лучше потрачу это время на Крис и отличный секс.

— Ну ладно, строптивая... — сажусь в машину и отправляюсь к конюшням. — Пора нам познакомиться.

Через несколько минут я притормаживаю у конюшни, выключаю двигатель и какое-то время просто остаюсь сидеть в машине, глядя на распахнутые двери.

Пока я не знаю, как завести разговор. Придётся импровизировать.

Ладно, главное — начать, а дальше что-нибудь придумаю.

Усмехаюсь. Я давно в бизнесе и не раз разговаривал с «нуля» с матёрыми бизнесменами, ворочающими миллионами, а где-то и миллиардами.

Не могу объяснить, почему сейчас сосёт под ложечкой, и я не решаюсь выйти из машины.

Странное чувство мучает сознание, но я не понимаю, как его описать? Словно это предчувствие какой-то важной встречи. Не иначе.

Думаю, я знаю в чём дело. Я впервые веду объект под ключ, и мне категорически нельзя сесть в лужу.

Прямо жизненно нельзя облажаться!

Ладно, пора. Выхожу наружу из машины, и меня тут же накрывает знакомым запахом — тёплым, живым, настоящим: сено, навоз, свежескошенная трава.

Я ещё вчера отметил, что воздух в этом месте словно живой. И надо сказать честно, он очень сильно отличается от моего офисного — с кондиционером и ароматом дорогого кофе.

Захожу в конюшню и оглядываюсь по сторонам. Никого нет.

Где все? И почему, если никого нет, настежь открыты двери?

Достаю телефон и смотрю на бумажку. Набираю сначала номер владельца конюшни, затем девушки. Но гудки уходят в пустоту.

Один, второй, третий... Тишина. Ну прямо дежавю какое-то!

Мелькает мысль поехать сразу к дому владельца, но взгляд цепляется за лошадей, и желание рассмотреть их поближе оказывается сильнее. Я ведь никогда не видел их настолько близко.

На мои шаги животные реагируют мгновенно. Увидев меня, они тут же поворачивают головы в мою сторону.

— Ау, хозяева! — кричу я, стараясь сделать этот как можно непринуждённое. — Есть кто живой?

Тишина. Только где-то капает вода из старой трубы, да одна лошадь тихо фыркает.

— Ау... Люди-и-и, — тяну я, чувствуя себя полным идиотом.

Вдруг одна из лошадей начинает тревожиться: громко фыркает, мотает головой и беспокойно переминается с ноги на ногу. Вероятно, им не нравятся мои вопли.

— Ладно... Я понял... Затыкаюсь! — поднимаю руки, словно сдаюсь, но лошадь по-прежнему волнуется.

Я перестаю дышать. Сердце, которое совсем недавно стучало от азарта, теперь замирает от реального страха.

Я ведь даже не подумал о том, что будет, если лошадь выпрыгнет из своего стойла.

Да я даже пикнуть не успею, как она снесёт меня.

Нужно что – то предпринять. Успокоить её. Убедить, что я враг. Заболтать. Уговорить не нервничать.

— Привет... — оглядываюсь по сторонам, желая понять, что вкусного можно дать этой нервной кобыле.

Протягиваю руку ладонью вверх, стараясь выглядеть спокойным, хотя внутри всё сжимается в приятный комочек адреналина.

Ух, как бодрит! Давно я не испытывал таких чувств! Даже в постели с женщиной!

Сердце колотится так бешено, будто ещё секунда — и оно разорвёт грудную клетку.

Теперь, кажется, я понимаю тех, кто любит активный отдых и экстремальный спорт. Эти чувства не передать словами.

— Ну-ну, красотка, чего ты разнервничалась? Я добрый. Я не кусаюсь.

Лошадь сначала замирает. Смотрит на меня так, будто пытается понять опасен я или нет.

Мы рассматриваем друг друга как замороженные.

Замечаю на деревянной табличке надпись — «Чайка». Вероятно, это её имя. Или прозвище. Или как там по-другому у лошадей это звучит.

— Привет, я Арс. А ты, как понял — Чайка. Приятно познакомиться. Давай дружить? Я пришёл с миром...

На миг она успокаивается, даже тянется носом к моей ладони.

Я уже готов расслабиться, но не успеваю этого сделать. Чайка начинает нервничать сильнее, чем это было несколько секунд назад.

А следом, словно желая меня напугать сильнее, она начинает пытаться встать на дыбы.

— О-у, красотка, спокойнее! У меня сейчас от страха штаны промокнут!

Я отскакиваю на пару метров. Не успеваю сказать ещё хотя бы слов, когда за спиной раздаются слова:

— Вы ей не понравились, — неожиданный незнакомый голос проходит по позвоночнику электрическим разрядом.

Я резко оборачиваюсь к выходу из конюшни и вижу девушку. Она стоит там, удерживая за поводья другую лошадь, и пристально смотрит на меня.

По привычке я быстро окидываю её взглядом и невольно отмечаю: девушка чертовски хороша.

Джинсы плотно сидят на сильных, но по-женски округлых бёдрах, клетчатая рубашка подчёркивает впечатляющую грудь, а закатанные рукава открывают загорелые руки.

Рыжие волосы, собранные в небрежный хвост, сразу цепляют взгляд.

Я внимательно всматриваюсь в её лицо и вдруг понимаю: оно кажется мне знакомым. Я бы даже сказал: очень знакомым!

Только я никак не могу вспомнить, где и когда видел её раньше.

— Возможно, — отвечаю я с лёгкой ироничной улыбкой, которая обычно спасает меня при знакомствах с девушками. — Но первое впечатление может быть обманчиво.

— Лошади не люди. Они сразу чувствуют... нутро человека.

Киваю. Что я могу ей возразить?

Снова пытаюсь вспомнить, где я её видел. Смотрю в её лицо и понимать, что она тоже очень пристально вглядывается на мою физиономию.

— Мы знакомы? — говорим мы друг другу одновременно.

Глава 9

Задав этот вопрос одновременно ни она, ни я на него не отвечаем.

Девушка продолжает сверлить меня глазами. И я тоже от неё оторваться не могу.

— Ваше лицо кажется мне знакомым, — всё-таки говорю я теперь уже более уверенно.

Через несколько секунд в моей голове всплывает воспоминание: Москва. Солнечный день. Шумная улица недалеко от центра.

Я тогда торопился по своим делам, но остановился, потому что увидел, как к этой девушке пристал какой-то наглый тип.

Он пытался схватить её за руку, а она пыталась отстраниться.

Я вмешался, сказал пару жёстких слов, и тот тип быстро исчез, не пожелав связываться со мной.

Я помню, как она тогда смотрела на меня. Не так, как сейчас, а с благодарностью. Тогда она видела во мне героя, а сейчас видит угрозу.

— Москва. К вам...

— Приставал какой-то м...чудак, и вы заступились за меня, — заканчивает она сама.

— Точно!

От понимания того, что мы уже виделись и я предстал перед ней в хорошем свете, у меня на душе растекается настоящее блаженство.

Значит, в её глазах я уже не просто случайный незнакомец. Я тот, кто когда-то защитил её.

Я радуюсь этому факту, как ребёнок радуется неожиданно подаренной конфете. Уверен — это должно сильно упростить общение между нами. Сделать его естественным и тёплым.

Теперь не тороплюсь представляться. Жду, когда она начнёт улыбаться, благодарить, может, даже рассмеётся и скажет что-то вроде «разве так бывает?!».

Но ничего такого не происходит.

Она остаётся серьёзной, губы плотно сжаты, а в глазах — ни тёплой искры, ни облегчения.

— Ну раз мы уже виделись, уверен, вам нечего опасаться, — теперь уже откровенно намекаю на то, чтобы она расслабилась.

Но девушка словно не слышит. Её спина и плечи напряжены, в брови по-прежнему на переносице.

— Я вас не знаю. С чего мне вас не опасаться.

— А почему опасаться?

— Потому что Москва довольно далеко от наших мест и таких, как... вы сюда редко заносит. Кто вы? И как вас занесло сюда из нашей прекрасной столицы? — спрашивает она прямо, без намёка на вежливость.

— Я... Арсений.

Ну же, златовласка, доверься мне! Я же твой спаситель!

— И всё?

— А что ещё нужно?

— Фамилию. Отчество. Компания, в чьих интересах вы прибыли сюда.

— А это всё вам действительно нужно?

— Естественно! — Резко вздёргивает свой курносый нос. — Я хочу знать, кто здесь шарится по территории.

— Моя фамилия — Бакиров. И я не шарюсь, а прогуливаюсь. А вы... Вы в прошлый раз были более вежливы.

Представляясь, я произношу свою фамилию совершенно спокойно, без малейшего опасения.

Эта девчонка, даже если очень захочет, всё равно не догадается, что я — один из основателей холдинга, который собирается прибрать к рукам эти конюшни.

И уж тем более не поймёт, что я её обманул.

Я ношу фамилию матери. Она всегда нравилась мне больше, и отец, прекрасно зная мой упрямый характер, не стал спорить, когда после совершеннолетия я решил её сменить.

Впрочем, мой предприимчивый отец и в этом сумел увидеть выгоду.

Ему даже было на руку, что я могу представляться под другой фамилией: люди, не подозревая, кто перед ними и чей я сын, быстро теряли осторожность и начинали вести себя естественно.

Именно тогда я видел их настоящими — без наигранного желания понравиться, без масок и попыток меня обмануть.

— Ясно, — говорит она и заводит свою лошадь в соседнее стойло.

Движения у неё уверенные, грациозные. Я, не замечая того сам продолжаю на неё пялиться.

Украдкой наблюдаю, как она гладит лошадь по шее, шепчет ей что-то успокаивающее. В этот момент во мне вспыхивает странная нежность. Не к лошади, а к ней.

Я тоже был бы не против, если бы эта красотка мне что-нибудь на ушко пошептала.

— А почему вы так настороженно спросили мою фамилию? — конечно, я понимаю, в чём дело, но хочу услышать ответ от неё.

— Ну я же ответила: потому что ходят здесь всякие. Портят мне и лошадям настроение. Вот, гляньте, и Чайке испортили.

— А вы, кстати, в отличие от меня, не представились, — говорю я, подходя чуть ближе, но оставляя безопасное расстояние. — Могу я узнать ваше имя?

— Зачем? — смотрит на меня равнодушно через плечо.

— Для симметрии. А то получается, что я как открытая книга, а вы — загадка.

Она закрывает дверь стойла с чуть большим усилием, чем нужно, и снова поворачивается ко мне.

— Нет, — говорит резко, почти отрезая. В этом «нет» столько характера, что я невольно улыбаюсь шире.

Обычно женщины флиртуют в ответ или хотя бы краснеют. А эта — рубит с плеча. И это чертовски притягательно!

А глава не обманул: она действительно дамочка с характером!

— Почему? — спрашиваю я искренне, с ноткой игривого удивления. — Я же не прошу ваш номер телефона или рассказать мне семейные тайны. Просто имя.

— Потому что оно вам не нужно. Вы не местный, и это видно за версту. А значит, что-то разнюхиваете. И я в этом уверена!

— Я не разнюхиваю, а приглядываюсь.

— К чему?

— К местной территории. Наслышан о её красоте.

— Приглядывайтесь в другом месте. Здесь моя территория. Личная собственность, — врёт, не краснея эта рыжая. — Прошу вас покинуть конюшню. Здесь не место для таких, как вы.

— Какая вы неприветливая, — фыркаю. — У вас все такие?

— К чужакам — да.

— Но я представился. А вы нет.

— Вам достаточно того, что я попросила вас на выход.

— Вы не можете просить меня на выход, вы не хозяйка, и я знаю это.

— Хозяин сейчас в больнице. Я за него.

— Ясно. Помощница.

— Будем считать, что так. Уйдёте или нет?

— Нет.

— Хорошо... — как-то странно замирает. — Тогда рассказывайте: зачем вы здесь.

Вот оно. Вопрос, к которому я совершенно не готов. Правда, которую я должен ей сказать, ей совершенно точно не понравится.

Ведь она звучит примерно так: «Я приехал, чтобы стереть эти конюшни с лица земли и построить здесь дорогие виллы для толстосумов».

Хм, нет, боюсь, такой вариант совсем не вариант. Так что придётся импровизировать.

— Я... Я...

Она прищуривается. Ждёт. Замерла.

— Не много ли вы якайте?

— Я приехал по обмену опытом.

— Чем? — По её лицу я вижу, что златовластка искренне не понимает, о чём я только что сказал.

Самое отвратное, что и я сам понял, что сморозил ерунду, но отступать уже некуда.

— Опытom. Ну, знаете, примерно, как: я расскажу вам про своих лошадей. Их привычки, болячки, увлечения, а вы мне расскажите про своих. Это обычно помогает в работе.

— Опытom... значит... — В её глазах теперь удивление и откровенная заинтересованность.

— Да, — в подтверждение своих слов быстро киваю, и почему-то в этот момент чувствую себя абсолютным идиотом.

Не могу понять почему, но моя интуиция кричит мне, что она не верит мне. Но как бы оно ни было, раз уж я начал, мне нужно продолжать врать.

Пока мы перепираемся и я пытаюсь выкрутиться из своего нелепого положения, одна из лошадей начинает нервничать.

— Тише, Марго, тише, моя девочка. Не нравится тебе этот... странный человек, да? — краем глаза косится на меня. — Я тебя понимаю, мне он тоже не нравится.

Вот стерва... Она даже не пытается скрыть, что я ей неприятен. Могла бы хотя бы для приличия показать интерес ко мне.

Честно скажу: я не привык, чтобы мне прямо в глаза молодые девы говорили такие слова. А эта вообще, видимо, ничего не стесняется.

Глава 10

— Не нравлюсь, значит... Ладно, я понял: с вами не сладить, — прикинувшись обиженным, хочу развернуться и выйти из конюшни. — Жаль, конечно! Мне всегда казалось, что опыт другого человека — штука бесценная. Однако раз вам это неинтересно...

Успеваю заметить, как девушка поджигает губы.

Вероятно, пока я продолжаю искусно врать, она всё-таки понимает, что я могу быть ей полезен.

— Подождите, не торопитесь, — всё-таки на мою удачу уступает мне. — Если вы не врётё и ваши слова правда, мне нужно подумать. Я не могу ответить сразу. Ваше появление так... внезапно!

— Да, я понимаю, я сам виноват, что не предупредил о своём визите. Но, я думаю, мы можем быть интересны друг другу, — выдавливаю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Ладно. И что вы конкретно хотели? Какого опыта набраться? Каким поделиться?

— О жизни лошадей, о...

— Что конкретнее?

Несмотря на мой огромный словарный запас и умение заболтать любого, в этот раз я не знаю, что сказать. Этот запас внезапно усыхает, как пересохшая лужа под солнцем.

И, кажется, именно поэтому я скоро выдам себя с потрохами.

Я прекрасно понимаю, что совершенно точно не веду себя как... Кто, кстати? Конедержатель, коневладелец или кобыловладелец.

Я не знаю, как таких бизнесменов называют.

— Такое ощущение, что вы врётё, — делает она своё заключение, и её губы слегка искривляются в дразнящей, но такой милой усмешке.

Глаза блестят, как будто она уже выиграла главную партию, хотя игра только началась.

Нужно отметить, что девчонка довольно быстро взяла себя в руки! Ещё минуту назад она выглядела немного растерянной, а теперь держится уверенно, и я бы даже сказал — нагло!

Мы словно поменялись с ней местами: она как будто уже играет со мной в кошки-мышки и знает, что мышь — это именно я.

— Нет! Я просто начинающий...

— Кто? Конюх? Или берейтор?

Кто? Она что, решила меня добить? А это ещё что за названия такие!

Я должен что-то ответить ей, но мой мозг словно специально выдаёт пустоту. Пауза затягивается на пару секунд дольше, чем нужно.

— Подождите, отвечу, — быстро вытаскиваю телефон, обманываю, что у меня срочное сообщение, и отхожу на пару метров.

На самом деле я хочу найти ответ на её вопрос в интернете.

Ну конюх-то более менее понятно. Наверняка это кто-то, кто с лошадьми возится. А этот как там его... Берайтр... нет, не он... Буритр?

Я быстро набираю и то слово и следующее, но такого в сфере обслуживания коней и лошадей не находится.

Поворачиваюсь к ней и вижу, что она не сводит с меня глаз. Улыбается, наблюдает, ждёт. И я, даже, кажется, знаю чего. Моего провала!

Погоди, крошка, осталось недолго!

Эта стерва всё ещё пытается прочитать мои мысли, но я не дам. Иначе я похерю всё дело.

А отца я подвести не могу, да и для меня самого добиться этого куска земли — дело принципа.

Ловлю себя на удивительной мысли: надо же, столько земли вокруг, а мы готовы вгрызаться друг другу в глотки, чтобы ухватить чужой клочок земли...

— Я второй, — иду ва-банк.

— Что — второй? Не поняла.

— Вы спросили меня, кем я прихожусь лошадям.

Я вижу, что она опускает лицо. Вероятно, думает, что я не только идиот, но и тупица.

— То есть вы родственник лошадям? — начинает хохотать она.

— Почему?

— Ну сами сказали: кем я прихожусь лошадям!

— Хватит придирааться к словам! — рычу я, теперь уже откровенно злясь.

Разворачиваюсь и снова хочу уйти. Я же прекрасно вижу, что эта гадина надо мной издевается.

Что мне с ней разговаривать? Дождусь, пока её батя выйдет из больницы, и буду обрабатывать его.

Предложу такие суммы, что не сможет отказаться.

А с этой хватит разговоров. Она, не знаю, как, но заставляет меня чувствовать себя полным идиотом.

Лишний раз убеждаюсь, что с мужиками иметь дело куда проще. А место женщины, как ни крути — в постели, не больше.

Я вообще не понимаю — зачем они сопротивляются природе, если она так решила.

— Ладно, извините, — говорит она более ласково. — Не злитесь, я правда решила вас подразнить. Расскажите, какие у вас в вашей конюшне породы.

— Породы? — и снова делаю вид, что уступаю. — Разные.

Я пытаюсь не выдать себя и делаю глубокий вдох, чувствуя, как ладони слегка вспотели. Она смотрит на меня с прежним любопытством.

— Ну, например? Ахалтекинская есть?

— Да, — киваю я, как будто всю жизнь только и делал, что разводил этих красавцев.

— О-у... А сколько голов? — Её брови приподнимаются в откровенном удивлении, и я бы сказал, восхищении.

— Пятнадцать. — Я скрещиваю руки на груди, выпячиваю грудь. Я не думаю в этот момент о последствиях своего хвастовства.

— Ясно. А мерины? Мустанги?

— Всех понемногу есть, — отвечаю дальше с максимальной небрежностью.

— Да вы богач! — говорит она присвистывая.

— Да, — киваю я, продолжая игру, которую совершенно не планировал. Точнее, планировал, но не такую и точно только по своим правилам! — Теперь вот думаю несколько лошадей для развлечения завести. Для души, так сказать.

Даша кивает. Догадываюсь, что она прекратила сомневаться, и в этот момент мне хочется верить, что я убедил её в своём интересе к лошадям.

— Покататься хотите? — вдруг задаёт вопрос, который вводит меня в ступор.

Она не ждёт ответа. Заходит в стойло, открывает его с лёгкостью человека, который делал это тысячу раз и выводит кобылу. Ту самую, которая минуту назад смотрела на меня как на личного врага.

Лошадь по-прежнему не расположена ко мне. Она начинает сильно фыркать и перебирать ногами.

Я открываю рот, чтобы сказать «только не на этой!», но вместо этого вылетает:

— Да.

— Отлично. Вперёд! — не сводит с меня глаз.

— Хорошо... А вы что, правда доверите своих лошадей незнакомцу?

«Откажи, — мысленно умоляю я. — Откажи, рыжая. Я ни разу в жизни не сидел на нормальной лошади. Опозориться перед тобой — последнее, чего я хочу».

Но она снова улыбается. Игриво. Опасно.

— А почему нет?

— А вдруг я уеду куда-нибудь на ней и... захочу украсть её?

— Крадите, — равнодушно пожимает плечами. — Я тогда заберу вашу дорожную тачку и куплю себе новых с десяток.

— Вы вроде говорили, что я ей не понравился, — ищу новый аргумент, чтобы не подходить к животному.

— Ну а вы сказали, что первое впечатление может быть обманчиво. Ну же, Арсений... Не робейте! Я уверена, что вы сможете усмирить эту кобылку.

В её голосе столько двойного дна, что я буквально вижу, как она произносит это слово «усмирить» с совершенно другим подтекстом.

Не успеваю сделать даже вдох, а лошадь — огромная, горячая, живая уже стоит возле меня.

От неё пахнет сеном, силой и какой-то первобытной свободой. Она буквально пышет жаром!

А я стою на месте и ясно понимаю: сейчас у меня только два выхода — забраться в седло и, возможно, поседеть от ужаса, или отказаться и окончательно опозориться перед девушкой.

— Вы составите мне компанию? — откашливаюсь.

Она снова кивает.

Уже хорошо. По крайней мере, я не останусь с лошадью один на один. Ведь я совершенно не представляю, чего мне ожидать от этого животного.

Глава 11

Она ждёт. Ждёт моих дальнейших движений.

Однако есть проблема: я не знаю, как садиться на лошадь. Совсем!

Как подойти к этой громадине, чтобы она не взбрыкнула и не сбросила меня в пыль. Как сесть на неё, не выглядя полным идиотом.

Признаться в этом — значит выдать себя с потрохами.

Она ведь сразу поймёт, кто я на самом деле: не знаток лошадей из соседней области, а тот самый бизнесмен, который приехал сюда с одной целью — заполучить эту землю под строительство.

И тогда даже не начавшись, мой план всё рухнет.

А я не могу этого позволить.

Я делаю шаг вперёд, стараясь казаться тем, кто всю жизнь только и делает, что общается с этими животными.

Лошадь, понимая, что я подхожу к ней, фыркает, переступает с ноги на ногу. А следом и вовсе пытается встать на дыбы.

— Тише, маленькая, тише, — гладит её по гриве златовласка. — Этот... мужчина просто хочет с тобой подружиться.

Нет, я не хочу с ней подружиться. Я, напротив, хочу избавиться от всей этой дружной лошадиной компании!

Мы по-прежнему не сводим с лошадью друг с друга глаз.

Я обхожу её медленно, по широкой дуге, будто изучаю каждую деталь. На самом деле я тяну время, лихорадочно соображая, что делать дальше.

Девушка не двигается. Она просто ждёт, склонив голову чуть набок, и её волосы, собранные в небрежный хвост, слегка колышутся от сквозняка.

— Вы сумасшедший? — тихо говорит мне. — Или самоубийца?

— Почему? — перевожу на девушку взгляд.

— Вы так долго смотрите в глаза лошади, словно не знаете основных правил.

— Я правда не всё знаю. Что ещё за правило?

— Лошади не любят, чтобы им смотрели в глаза так долго. Они начинают воспринимать такое поведение человека, как угрозу.

— Понял... — Тут же опускаю глаза и смотрю на траву и чувствую, что моя рубашка уже напроць мокрая. Хоть выжимай.

— Залезайте. Хватит стоять.

Оглядываюсь по сторонам, ища хоть что-то, что могло бы помочь.

В конюшне должно быть что-то вроде табуретки или низкой скамеечки. Ведь сама златовласка тоже как-то залезает на эту лошадь?

Тут же представляю картину, где она, грациозным движением, упираясь в стремя, легко взмывает вверх и садится на лошадь.

Эта картинка вызывает у меня прилив жара, но я снова резко отгоняю её.

Что-то срочно нужно предпринимать.

И я снова продолжаю кружить вокруг лошади, чувствуя, как её тёплое дыхание касается моей руки.

— Ну, смелей! Понимаю, что чужие рысаки могут напрягать, но вы не робейте! — подначивает она меня, и её голос звучит игриво.

Неожиданно мой взгляд падает на седло, висящее на деревянной перекладине, и я понимаю, где я опростоволосился.

Точно! Вот я идиот! Как я сразу не сообразил? Седло — это же ключ ко всему.

Я подхожу, беру его в руки. Кожа грубая, тяжёлая, оно весит больше, чем я ожидал, и мои пальцы слегка дрожат, когда я сжимаю подпругу.

Пытаюсь закинуть седло на спину лошади одним движением, но оно соскальзывает вбок. Лошадь снова нервно дёргает головой.

Только когда я сдавался?

Я поправляю его снова, бормоча что-то под нос, но движения мои угловатые, неуклюжие.

Пот выступает на лбу, а по спине бежит новый ручеек пота.

Терпеливица продолжает ждать. Она стоит, скрестив руки на груди, и не сводит с меня глаз.

Её поза изменилась — плечи напряжены, подбородок приподнят, а в глазах вместо игривого блеска — холодное, пронизывающее внимание.

Это не просто наблюдение с её стороны. Это разбор меня и моего поведения на части.

Кажется, я недооценил малышку. Она не глупа, она видит меня насквозь, и эта её проницаемость делает её привлекательнее в моих глазах.

Я никогда не любил глупых девушек, а если у неё ещё есть характер — для меня это настоящий вызов. И кажется, именно такая стоит передо мной.

— Хватит! — вдруг резко говорит она, и её голос звучит как удар хлыста. Резко. Громко. — Вы реально такой... придурок или только изображаете его?

— Не понял... — говорю я как можно спокойнее и делаю, что пропускаю мимо ушей её оскорбление. — Вы о чём?

Там где на лице девушки недавно была игривая улыбка теперь сжатые в тонкую линию губы. Она даже не пытается скрыть своего возмущения.

Девушка делает шаг ближе, и теперь расстояние между нами почти исчезает.

Её дыхание учащённое, грудь вздымается под рубашкой, и это зрелище заставляет меня сглотнуть. Глаза её горят огнём бешенства.

Она ко мне так близко, что я чувствую тепло её тела, лёгкий аромат её кожи — свежий, с нотками полевых трав и чего-то сладкого, женственного.

— О том, что вы лгун и обманщик. Лошади, про которых я у вас спрашивала, стоят бешеных денег. Одна Ахалтекинская может стоит около трёх миллионов! Пятнадцать голов, говорите? В соседней области? Чушь! Если бы это было правдой, я бы об этом точно знала! Такие покупки даже пусть это будет соседняя область не проходят незамеченными!

Девушка, тараторя свои обвинения, тяжело дышит и тычет пальцем мне в грудь.

— Моя прошла, — улыбаюсь, пожимая плечами, оставаясь выдержанным.

Но следом вижу, что её это ещё больше бесит.

— Вы... Вы... Говорите, зачем вы здесь! И пока не скажете правду, я не позволю вам уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.